

Первопричина Вселенной (и порядок вещей неопровержимо это доказывает), Бог не поддается определениям нашего мышления. Будучи совершенен, Он сам по себе! есть все, что Он есть. Бог абсолютно един! Отец — Бог; Сын — Бог; Святой Дух — Бог. Причина их единства, говорит Боэций, в их неразличимости (*indifferentia*)** —] формулировка, которой позднее воспользуется Гильом из Шампо для объяснения того, каким образом универсальное может! быть одновременно единственным и общим для многих индивидов. Если Он абсолют-] но один, добавляет Боэций, то Он не укладывается в рамки каких-либо категорий это положение будет многообразно развито впоследствии Иоанн Скот Эриугена. Все, что можно сказать о Боге, в меньшей степени относится к Нему Самому, нежели к способу, которым Он управляет миром. Так, о Нем будут говорить или как о неподвижном двигателе всех вещей (*stabilisque manens dat cuncta moveri****), или как о направляющем на все Свое провидение, или приписывать Ему иные божественные атрибуты, изучением которых занимается теология; но даже если человек сказал о Боге все, что он может о Нем сказать, он не постиг Его таким, каков Он есть.

Все теологические понятия в трактате «Об утешении философией» даны без ссылок на Писание, и в этом нет ничего удивительного

111 3. От Боэция до Григория Великого

О потому что здесь говорит Философия. Отметим, пожалуй, единственный случай в книге III, § 12, где Боэций рассуждает о „всём благом: «regit cuncta fortiter,

«Viterque disponit»*. Это, несомненно, цитата из хорошо известного текста «Книги Премудрости» (8:1), на который многократно ссылался св. Августин. Если учесть, что в «Преамбуле» к своему трактату «О Троице» Боэций прямо цитирует Августина, то, не рискуя ошибиться, можно утверждать, что совпадения между взглядами, изложенными в трактате «Об утешении философией», и взглядами Августина не случайны. Даже когда Боэций рассуждает как философ, он мыслит как христианин.

За интеллектуальным, которое есть Бог, следует интеллигибельное (умопостигаемое), которое есть душа. Касаясь вопроса о происхождении души, мы вынуждены ограничиться двумя сохранившимися текстами, но они вполне согласуются друг с другом и их содержание довольно любопытно. Первый текст — фрагмент из гл. XI диалогического комментария к Порфирию; это уже упоминавшийся нами фрагмент, где Боэций рассуждает «о состоянии и условиях существования человеческих душ, которые, быв рядом с первоначальными интеллигибельными субстанциями (то есть ангелами), при контакте с телами выродились из интеллектуальных в интеллигибельные, причем настолько, что они более не являются ни объектами интеллекта, ни способными его использовать, но находят счастье в чистоте ума всякий раз, когда они прикасаются к интеллигибельному». Если все Души находились с ангелами, то они должны были существовать до тел. Второй текст — это кн. III, ст. II, § 12 «Об утешении философией», где в общих чертах изложено то же учение, причем с сильными платоновскими реминисценциями. Заметим, что Альберт Великий («De anima», III, 2, 10) впоследствии отнесет Боэция к сторонникам предсуществования душ. Но, идя путем Платона и Макробия, Боэций восполь-

зовался свободой, предоставленной ему св. Августином.

В связи с универсалиями мы отметили иерархию познавательной деятельности. Этот вопрос Боэций подробно не рассматривал, но зато он детально развил свои взгляды на волю, к чему его побуждала сама тема «Об утешении философией». Находясь под угрозой